

*Три комнаты
на Манхэттене*

I

К трем часам ночи, вконец измучившись, он резко встал, оделся, чуть было не вышел на улицу, как был, без галстука и в домашних шлепанцах. Он приподнял воротник пальто, стал совсем похожим на тех людей, что прогуливают своих собак по вечерам или рано утром. Затем, очутившись во дворе дома, который он за два месяца так и не смог ощутить своим, машинально взглянув наверх, обнаружил, что забыл погасить свет. Но у него не хватило духу вернуться.

Что там сейчас у них происходит наверху, у Ж. К. С.? Началась ли рвота у Винни? Вполне вероятно. Обычно она при этом стонет, сначала глухо, потом все громче, пока не раздражается истеричными, нескончаемыми рыданиями.

Его шаги гулко звучали на почти пустынных улицах Гринвич-Виллиджа. Он продолжал думать об этих двух людях, которые опять помешали ему спать. Он их никогда не видел и даже не знал, что означают эти начертанные зеленой краской буквы Ж. К. С., которые можно было прочесть на двери его соседа. Ему было также известно, поскольку проходил однажды мимо приоткрытой двери, что пол там был черный и блестящий, очевидно покрытый лаком и полированный. Его это шокировало, потому что мебель в квартире была красного цвета.

Ему было известно уже немало, но все как-то отрывочно, не связано между собой, ну, например, что

Ж. К. С. был художником и что Винни жила в Бостоне.

Чем она занималась? Почему она оказывалась в Нью-Йорке всегда только в пятницу вечером, а не на неделе или, скажем, не в уик-энд. В некоторых профессиях так бывает, что отдыхают не по воскресеньям, а в какой-либо другой день. Она приезжала на такси, кажется, с вокзала, около восьми часов вечера. Очевидно, что прибывала в Нью-Йорк на поезде.

Поначалу она говорила резко, громко. Казалось, что у нее два разных голоса. Было слышно, как она прохаживается по комнате, оживленно разговаривает, как человек, пришедший в гости.

Парочка ужинала в ателье. Регулярно из итальянского ресторана, расположенного в этом же квартале, приносили еду за четверть часа до прихода молодой женщины.

Ж. К. С. говорил мало, глухим голосом. Несмотря на незначительную плотность перегородки, все же речь было трудно разобрать. Зато в другие вечера отчетливо слышались обрывки фраз, когда он звонил в Бостон.

Интересно, почему он никогда не начинал звонить раньше полуночи, а иногда даже и в час ночи?

— Алло?.. Междугородная?

И Комб знал, что это надолго. Если и удавалось расслышать слово «Бостон», он никогда не мог уловить название учреждения. Затем упоминалось имя Винни и ее фамилия, которая начиналась на букву П, потом шли О и Л, но окончание так и оставалось ему неизвестным.

А потом следовало долгое приглушенное бормотание.

Это его раздражало. Но все же меньше, чем то, что происходило по пятницам. Что они за ужином пили? Должно быть, немало разных напитков. Во вся-

ком случае, Винни в этом явно усердствовала, ибо ее голос очень скоро становился низким, и в нем начинали звучать металлические нотки.

Как она умудрялась столь стремительно напиваться и так терять голову? Подобной разнузданности и какого-то животного неистовства он не мог даже вообразить.

А сам Ж. К. С., чье лицо он никогда не видел, сохранял самообладание, говорил спокойно, чуть снисходительно.

После каждого взрыва страсти она снова пила и требовала еще выпивки. Чувствовалось, что в ателье все перевернуто вверх дном, и нередко слышался звон разбиваемых рюмок на злополучном черном полу.

Сегодня он вышел, не дожидаясь обычной резкой перемены в состоянии женщины, когда она принималась бегать в ванную и громко икать, потом ее начинало тошнить, раздавался ее плач, и все заканчивалось нескончаемым жалобным воем, который может издавать только раненое животное или самка в состоянии истерии.

Почему же он не перестает думать об этом и почему вообще он оказался на улице? Он ведь собирался как-нибудь утром разглядеть ее в коридоре или на лестнице, когда она будет выходить. Дело в том, что после таких ночей у нее все же хватало сил регулярно вставать в семь часов утра. Ей даже не нужен был будильник. Она не беспокоила своего любовника, поскольку не слышно было, чтобы они разговаривали.

Повозившись немного в ванной и наверняка поцеловав в лоб спящего мужчину, она открывала дверь, выскальзывала наружу и четкими шагами направлялась на улицу в поисках такси, чтобы добраться до вокзала.

Как она при этом выглядела? Можно ли было обнаружить на ее лице, в ее усталом опущенных плечах и в ее хриплом голосе следы проведенной ночи?

Ему бы хотелось увидеть именно эту женщину, а совсем не ту, которая прибывала на поезде и, преисполненная уверенности в себе, входила в ателье художника с таким видом, будто зашла в гости к знакомым.

Она привлекала его такой, какой уходила совсем одна, в утреннем тумане, в то время как мужчина с эгоистическим спокойствием продолжал спать, даже не почувствовав, что на его влажном лбу был запечатлен поцелуй.

Он очутился на каком-то перекрестке, который с трудом узнавал. Несколько последних клиентов только что закрывшегося кабаке тщетно ожидали такси. Два человека, изрядно выпившие, стояли на самом углу и никак не могли расстаться. Они пожимали друг другу руки, отходили на несколько шагов и тотчас же вновь сближались, чтобы излить друг другу душу или выразить дружеские чувства.

Казалось, что он тоже только что вышел из кабака, а не встал с постели.

Но он ничего не пил и чувствовал себя озябшим, ибо провел вечер не там, где было тепло и звучала музыка, а в холодном одиночестве своей пустынной комнаты.

В центре перекрестка темнела металлическая станция наземного метро. У края тротуара появилось наконец такси желтого цвета. Примерно десяток желающих уехать повисли на нем. Но таксисту, правда не без труда, удалось удалиться, так и не взяв никого. Может, водителю было не по пути с этими людьми?

Два широких проспекта, почти пустынные. По обеим сторонам, словно гирлянды, над тротуаром свисают светящиеся шары.

Ближе к углу слепила глаза своей кричащей вульгарностью длинная яркая витрина сосисочной, похожая на большую застекленную клетку, где темными пятнами выделялись какие-то человеческие фигуры. И он вошел туда, чтобы больше не быть в одиночестве.

Вдоль длинной стойки, обитой холодным пластиком, тянулись высокие табуреты, намертво прикрепленные к полу. Два матроса стояли пошатываясь. Один из них торжественно пожал ему руку и пробормотал нечто невнятное.

Он занял первое попавшееся место и оказался рядом с какой-то женщиной, но понял это не сразу, а только когда оглянулся в сторону негра в белой куртке, который застыл в ожидании заказа.

Во всей атмосфере чувствовалось нечто походившее на только что закончившуюся ярмарку, когда народ уже утомился, утихомирился, а вернее, напоминало такие ночи, когда шляешься и не можешь заставить себя идти спать, и, конечно же, тут ощущался Нью-Йорк с его спокойным и жестоким равнодушием.

Он что-то заказал, кажется сосиски. Затем посмотрел на свою соседку, которая разглядывала его. Ей только что подали яичницу с беконом, но она не ела, а курила сигарету, медленно, степенно. На бумаге отпечаталась красная линия ее губ.

— Вы француз?

Она спросила по-французски и, как ему показалось, без всякого акцента.

— Как вы угадали?

— Не знаю. Вы едва вошли и еще даже не заговорили, а я уже подумала, что вы француз.

Она добавила с легким налетом ностальгии в улыбке:

— Парижанин?

— Стопроцентный парижанин.

— А из какого квартала?

Заметила ли она, что взгляд у него чуть затуманился?

— У меня была вилла в Сен-Клу. Вы это место знаете?

И она произнесла так, как обычно объявляют на парижских катерах:

— Севрский мост, Сен-Клу, Понт-дю-Жур.

А затем более тихим голосом сказала:

— Я жила в Париже в течение шести лет... Вы помните церковь д'Отей?.. Моя квартира была совсем рядом, на улице Мирабо, буквально в двух шагах от бассейна Молитор...

Сколько же всего клиентов здесь, в этой сосисочной? Ну от силы наберется десяток. Их отделяли друг от друга пустые табуреты и разделяла другая пустота, которую не выразить словами и еще труднее преодолеть — пустота, как аура, окружающая каждого из них.

Единственным связующим звеном между ними были два негра в грязных куртках. Они отворачивались время от времени к своего рода трапу, где брали тарелку, наполненную чем-то горячим, и подталкивали ее затем по скользкой поверхности стойки в сторону того или иного клиента.

Почему, несмотря на такое яркое освещение, все казалось тусклым и серым? Создавалось впечатление, что даже ослепительный свет был не в состоянии рассеять мглу, которую принесли с собой эти люди, пришедшие из ночной тьмы.

— Что же вы не едите? — спросил он, прерывая затянувшуюся паузу.

— Я еще успею.

Курила она так, как курят американки, изображенные на обложках иллюстрированных журналов

и на киноэкранах: те же жесты, та же манера надуть губы при курении. И позы она заимствовала отсюда же: слегка откинула на плечи свое меховое мантио, открыв взорам черное шелковое платье, и сидела, скрестив длинные ноги, обтянутые тонкими чулками.

Он мог рассмотреть ее, даже не глядя в ее сторону. Вдоль всей задней стены сосисочной тянулось зеркало, и они видели друг друга сидящими рядом. Отражение было очень резким и, несомненно, немного искажало черты лица.

— Вы тоже не едите! — заметила она. — Вы недавно в Нью-Йорке?

— Почти шесть месяцев.

С чего это он вдруг решил ей представиться? Конечно, из-за желания произвести впечатление, о чем тотчас же пожалел.

— Франсуа Комб, — произнес он не без некоторой развязности.

Должна же была она слышать! Однако она никак не отреагировала. А ведь она жила какое-то время во Франции.

— А когда вы жили в Париже?

— Погодите... Последний раз три года тому назад... Я побывала там по возвращении из Швейцарии, но на этот раз я долго не задержалась.

Она добавила:

— Вы бывали в Швейцарии? — И, не дожидаясь ответа: — Я провела две зимы в санатории в Лейзине.

Любопытная вещь: именно эти слова побудили его впервые посмотреть на нее как на женщину. Она продолжала с наигранной веселостью, которая взволновала его:

— Это не так ужасно, как считают многие. Во всяком случае для тех, кто благополучно выкарабкался оттуда... Меня заверили, что я окончательно вылечилась...

Она неторопливо раздавила сигарету в пепельнице, и он еще раз обратил внимание на этот кажущийся кровавым след, который оставили там ее губы. Почему-то в его мозгу мелькнула на секунду мысль о Винни, которую он так ни разу и не видел!

Он вдруг понял, что, наверное, из-за ее голоса. Он не знал ни имени, ни фамилии этой женщины, но она, несомненно, обладала одним из голосов Винни, тем ее голосом, в котором звучали трагические нотки и животная тоска.

Правда, здесь это было несколько приглушено и напоминало плохо зарубцевавшуюся рану, когда уже не страдаешь от острой боли, но ощущаешь в себе ее постоянное присутствие, ставшее привычным.

Она стала заказывать что-то, обратившись к негру. Комб нахмурился, ибо в ее интонации и выражении лица он обнаружил точно такое же, еле приметное, но явное намерение понравиться, которое он почувствовал, когда она обращалась к нему.

— Ваша яичница совсем остыла, — сказал он с некоторым раздражением.

На что, собственно, он надеялся? Почему у него возникло желание оказаться вне этого зала, подальше уйти от их отражений в этом грязном зеркале?

Неужели он полагал, что они уйдут вот так просто, даже не познакомившись?

Она принялась есть яичницу с раздражающей медлительностью, отвлекаясь время от времени на то, чтобы подсыпать перцу в стакан томатного сока, который только что заказала.

Это было похоже на фильм, снятый замедленной съемкой. В углу один из моряков страдал от той же болезни, от которой именно в эти минуты должна была страдать Винни. Его спутник трогательно, по-братски заботился о нем, а негр взирал на них с полнейшим равнодушием.

Прошло не меньше часа. Они по-прежнему сидели там же, а он так ничего и не узнал о ней. Его раздражало, что она непрестанно искала повод продлить пребывание в этом заведении.

Он вбил себе в голову, как будто это само собой разумеющееся, что они уйдут вместе, а в таком случае она своим необъяснимым упрямством как бы отбирала у них часть того времени, которое им было отпущено судьбой.

Между тем его занимали разные мелочи. Например, акцент. Хотя она и говорила на безупречном французском, все же он различал какой-то легкий акцент, который никак не мог определить.

Только когда он ее спросил, американка ли она, и в ответ она сказала, что родилась в Вене, тогда он все понял.

— Здесь меня называют Кэй, но, когда я была маленькой, меня звали Катрин. Вы бывали в Вене?

— Да, бывал.

— Ах!

Она посмотрела на него примерно так же, как он до этого смотрел на нее. В общем-то, она ничего не знала о нем, а он — о ней. Было уже больше четырех часов утра. Время от времени кто-нибудь входил, взявшись бог знает откуда, и усаживался на один из табуретов с усталым вздохом.

Она все продолжала есть, заказала какой-то ужасный на вид торт, покрытый бледноватым кремом, и кончиком чайной ложки стала отламывать от него маленькие кусочки. В тот момент, когда он решил, что наконец все кончено, она подозвала негра, чтобы заказать у него кофе. А поскольку ей подали его очень горячим, нужно было еще ждать.

— Дайте мне, пожалуйста, сигарету. У меня больше не осталось.

Он знал, что она не уйдет, пока не докурит, и не исключено, что попросит еще одну. Он сам изумлялся своему бессмысленному терпению.

А оказавшись на улице, разве она не может просто протянуть ему руку и попрощаться?

Когда же в конце концов они все-таки выбрались наружу, на перекрестке было пусто, только какой-то мужчина спал стоя, прислонившись к входу в метро. Она не предложила взять такси и самым естественным образом уверенно двинулась по тротуару, как будто этот тротуар должен был куда-то привести ее.

И только когда они прошли уже сотню метров и после того, как она два раза споткнулась из-за своих высоких каблуков, она взяла под руку своего спутника так непринужденно, как если бы они ходили всегда по улицам Нью-Йорка в пять часов утра.

Он, очевидно, будет помнить все самые мельчайшие подробности этой ночи. Но пока она длилась, он никак не мог отделаться от ощущения несуразности, странности всего происходящего; оно казалось ему каким-то ирреальным.

Только когда они прошли мимо десятка зданий, он вдруг понял при виде маленькой церквушки, что они идут по нескончаемой Пятой авеню...

— Интересно знать, не открыта ли она? — сказала Кэй, остановившись.

Потом с неожиданной ностальгией добавила:

— Я так хотела бы, чтобы она была открыта!

Ему пришлось по ее настойчивой просьбе пойти и убедиться, что все двери церкви были закрыты.

— Тем хуже... — вздохнула она, снова взяв его под руку.

Потом, когда они чуть отошли:

— Мне больно ногу, жмет туфля.

— Может быть, стоит поискать такси?

— Нет, идем дальше.

Ему был неизвестен ее адрес, а спросить он не решился. Станным было это ощущение — так вот идти и идти по огромному городу, не имея ни малейшего представления ни о месте, где они находятся, ни об их самом ближайшем будущем. Он увидел их отражение в витрине. Не иначе как от усталости она несколько склонилась к его плечу, и он подумал, что их можно принять за влюбленных, таких, какие еще вчера у него, в его одиночестве, вызывали раздражение.

Ему приходилось, особенно в последние недели, не раз сжимать зубы, когда мимо него проходила пара, от которой исходило почти физическое ощущение любовной близости.

И вот теперь в глазах других людей они тоже кажутся такой парой — странная пара!

— А вы не против выпить сейчас немного виски?

— Я думаю, что это запрещено в такое время.

Но она уже ухватила за эту новую идею и потянула его в ближайшую улицу, пересекающую Пятую авеню.

— Нет, погодите... Это не здесь... Это на следующей...

Она дважды от волнения ошибалась, не могла найти нужный дом, пока наконец ее нервные усилия не увенчались успехом: открылась запертая дверь маленького бара, откуда просачивалась небольшая полоска света. На них с изумлением уставился мойщик посуды. Но это ее не остановило. Она принялась его настойчиво расспрашивать, и в конце концов, после примерно четверти часа каких-то хождений, они очутились в подвальном помещении, где трое мужчин с сумрачным видом пили у стойки. Место было явно ей знакомо. Она назвала бармена по имени — Джими, правда вскоре вспомнила, что его звали Тедди. То-

гда она подробно принялась разъяснять свою ошибку равнодушному бармену. Она также стала говорить о людях, с которыми приходила сюда однажды, но тот продолжал смотреть на нее пустым, ничего не выражающим взглядом.

Ей понадобилось примерно полчаса, чтобы выпить стакан виски, и она захотела еще один, а затем закурила сигарету, как всегда, якобы последнюю.

— Вот докурю эту сигарету, — обещала она, — и мы пойдем...

Она стала более словоохотливой. На улице ее рука сильнее сжала локоть Комба, она едва не упала, выходя на тротуар.

Вдруг она заговорила о своей дочери. Ее дочь жила где-то в Европе, но он так и не смог выяснить, где и почему она с ней рассталась.

Они оказались в районе Пятьдесят второй улицы и теперь могли видеть в глубине каждой из ее пересекающих улиц огни Бродвея и темную подвижную массу людей на его тротуарах.

Было уже почти шесть часов. Они проделали большой путь. Оба изрядно устали. И Комб наконец решился спросить:

— А где вы живете?

Она резко остановилась и посмотрела на него, как ему показалось, очень сердито. Но вскоре он понял, что ошибся. Сильное волнение и, может быть, неподдельное отчаяние отразились в ее глазах, о которых он пока не мог даже сказать, какого они цвета.

Она оторвалась от него, сделала несколько быстрых шагов, будто собиралась убежать. Потом остановилась и подождала, пока он подойдет.

— Начиная с сегодняшнего утра, — сказала она, обратив к нему свое лицо, ставшее вдруг неподвижным, — я нигде не живу.

Почему он вдруг разволновался настолько, что чуть не заплакал? Они стояли около витрины, шатаясь от усталости, ощущая утреннюю сухость во рту и легкое головокружение.

Неужели два стакана виски так взвинтили их нервы?

Это было просто смешно. У них обоих повлажнели глаза, они, казалось, следят друг за другом. И мужчина в порыве чувств неловким жестом схватил спутницу за запястья.

— Пойдемте... — сказал он.

Потом добавил после небольшой заминки:

— Пойдемте, Кэй.

Впервые он произнес ее имя. Она задала ему вопрос уже покорным голосом:

— А куда мы идем?

Он и сам не знал. Но не мог он привести ее к себе, в это неудобное здание, которое он не выносил, в эту комнату, где он не убирал больше недели и оставил в ужасном беспорядке свою незастеленную постель...

Они снова тронулись в путь. И теперь, после того как она призналась ему, что ей даже негде было жить, он стал бояться потерять ее.

Она принялась рассказывать свою историю, полную разных имен и фамилий, которые ничего ему не говорили, но она произносила их так, будто все должны были их знать.

— Я жила в одной квартире вместе с Джесси... Я так хотела бы, чтобы вы познакомились с Джесси!.. Это самая соблазнительная женщина, которую я когда-либо встречала... Ее муж, Рональд, три года тому назад получил солидный пост в Панаме... Джесси попыталась там жить вместе с ним, но не смогла из-за здоровья... Она вернулась в Нью-Йорк с согласия Рональда, и мы сняли с ней квартиру на двоих... Она на-

ходится в Гринвич-Виллидже, недалеко от того места, где мы встретились...

Он слушал ее и одновременно искал глазами вывеску какого-нибудь подходящего отеля. Они не прекращали шагать, и их усталость была до того велика, что они даже уже не чувствовали ее.

— У Джесси был любовник, Энрико, чилиец, женатый, с двумя детьми. Но он собирался разводиться... Вы понимаете?

Он, конечно, понимал. Но очень вяло следил за ходом этой истории.

— Рональда, должно быть, кто-то известил, я даже не знаю кто... В это утро, едва я вышла, как он неожиданно нагрязнул... Еще висели пижама и халат Энрико в шкафу. Разыгралась, по-видимому, ужасная сцена... Рональд принадлежит к тому типу людей, которые обычно сохраняют спокойствие в самых трудных обстоятельствах, но я даже не берусь описать, каким он бывает в минуты гнева... Когда я вернулась в два часа дня, дверь была заперта... Один сосед услышал, что я стучу... Джесси до отъезда сумела оставить для меня письмо... Оно у меня с собой.

Она хотела открыть свою сумочку, достать письмо, показать ему. Но они только что пересекли Шестую авеню, и Комб остановился под ярко освещенной вывеской гостиницы. Вывеска была неоновой, с резким, вульгарным фиолетовым отсветом.

Отель «Лотос».

Он подтолкнул Кэй к вестибюлю, и еще сильнее, чем прежде, казалось, что он чего-то боится. Он заговорил вполголоса с ночным портье, склонившись к нему. В конце концов ему вручили ключ с медной планкой.

Тот же портье вызвал для них маленький лифт, в котором пахло уборной. Кэй ущипнула руку своего спутника и сказала ему тихим голосом:

— Попробуй достать виски... могу держать пари, что у него есть...

Только позже он осознал, что она обратилась к нему на «ты».

В этот час Винни обычно бесшумно вставала, вылезала из влажной постели Ж. К. С. и проскальзывала в ванную.

Комната в «Лотосе» казалась такой же серой, как и полоска света, который начал просачиваться сквозь занавеси.

Кэй села в кресло, кинув на его спинку меховое манто, и машинальным движением сбросила замшевые черные туфли на высоких каблуках. Они лежали теперь на ковре.

В руках она держала стакан и пила мелкими глотками, уставившись взглядом в одну точку. На коленях у нее лежала раскрытая сумочка. Спустившаяся петля на чулке стрелочкой прочертила ногу так, что казалось, будто это длинный шрам от раны.

— Налей мне еще стакан, пожалуйста. Клянусь, это последний.

У нее явно кружилась голова. Она выпила этот стакан быстрее, чем предыдущие, и на какой-то момент застыла, замкнулась в себе, как будто унеслась мысленно куда-то далеко, очень далеко и от комнаты, и от мужчины, который ожидал, не зная еще толком, чего именно он ожидает. Наконец она встала. Сквозь тонкую материю чулок просвечивали розовые пальцы ее ног. Поначалу она буквально на секунду повернула голову в сторону, а потом совсем просто, так, будто уже давно это задумала, шагнула в сторону своего спутника, широко расставила руки, чтобы обхватить его за плечи, приподнялась на цыпочках и прижалась ртом к его рту.

В коридорах служащие приступили к уборке, включили пылесосы, а ночной портье внизу уже стал собираться уходить домой.

II

Самым нелепым было то, что он даже почти обрадовался, не обнаружив ее рядом с собой, тогда как чуть позже, примерно через час или даже через несколько минут, подобное чувство ему казалось уже невыносимым, а то и чудовищным. Это не было, впрочем, вполне осознанной мыслью, так что он мог отрицать почти с чистой совестью, хотя бы даже и перед самим собой, это первое предательство.

Когда он проснулся, комната была погружена в темноту, которую прорезали пучки красноватого света от вывесок, проникающего сквозь щели занавесей.

Он протянул руку, которая наткнулась на холодную простыню.

Неужели он в самом деле обрадовался и подумал, сознательно подумал, что это упрощает и облегчает дело?

Нет, конечно нет, потому что, увидев свет под дверью ванной, он ощутил легкий шок в груди.

Как затем развивались события, он с трудом может вспомнить, настолько все пошло как-то легко и естественно.

Он встал, это он помнил, поскольку сильно хотел курить. Она, должно быть, услышала, что он ходит, и открыла дверь, хотя еще стояла под душем.

— Ты знаешь, который час? — говорила она весело.

Он же, стыдясь своей наготы, принялся искать трусы.

— Я не знаю.

— Половина восьмого вечера, старина Фрэнк.

Когда она его назвала именем, которым никто прежде его не называл, он почувствовал вдруг необычайную легкость. И легкость эта не покидала его еще долго. Все стало вдруг таким простым и ясным, что у него родилось чудесное ощущение, будто он жонглирует жизнью.

Что же еще произошло? Это уже было не важно. И вообще, ничто больше не казалось ему важным.

Он сказал:

— Интересно, а как же я побреюсь?

И она ответила ему слегка иронически, но, пожалуй, скорее, все-таки с нежностью в голосе:

— Нет ничего проще: позвони вниз дежурному, пусть пошлют купить тебе бритву и крем. Хочешь, позвоню?

Это явно забавляло ее. Она проснулась в безоблачном настроении, в то время как он чувствовал себя еще неловко в той реальности, настолько новой для него, что он даже и не очень был уверен, что все это происходит на самом деле.

Всплывали в памяти некоторые ее интонации, когда она, например, отметила с оттенком удовлетворения:

— Да ты совсем не толстый...

Он ответил самым серьезным образом:

— Я всегда занимаюсь спортом.

Он был готов выпятить грудь и напружинить бицепсы.

Казалось странным, что они в этой комнате ложились спать в темноте, а когда проснулись — в ней снова было темно. Он почти боялся ее покинуть, как если бы опасался оставить в ней частицу самого себя, которую он рискует никогда больше не обрести.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ КОМНАТЫ НА МАНХЭТТЕНЕ	
<i>Перевод Ю. Уварова</i>	5
КОТ	
<i>Перевод Э. Шрайбер</i>	195